

Ирина Мазаева
Как узнать любовь?
Серия «Только для девчонок»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599927
Как узнать любовь?: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-46542-2*

Аннотация

После переезда и смены школы у Олеси началась самая настоящая депрессия: ничего ее не радовало, ничего ей не хотелось. Даже Димка Сидоров – самый красивый мальчик в новом классе – не нравился. Она не обращала на него внимания, пока однажды Димка не захотел сидеть с ней за одной партой. Олеся от лестного предложения отказалась. Но посмотрела на одноклассника другими глазами... и почувствовала, что влюбляется в него – как другие глупые девчонки! Этого только не хватало! Всем понятно, Димка пошутил и шансов у нее ноль. Любовь окажется безответной – если только не случится какого-нибудь чуда...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирина Мазаева

Как узнать любовь?

Глава 1

Димка Сидоров

Елена Владимировна Кириллова, учительница по английскому языку, опаздывала. Первая группа 9-го «А» класса, в котором она преподавала, сидела за своими партами и терпеливо ждала педагога. Отсутствовали только соседка Олеси Ермолаевой по дальней у окна парте и Дима Сидоров, тайная и явная страсть не только девочек из 9-го «Б», но и всей параллели.

Олесе на Диму Сидорова было совершенно наплевать. Зеленоглазый блондин среднего роста в широких штанах со множеством карманов был не в ее вкусе. Она не любила блондинов, ей не нравились зеленые глаза у парней, а похожие широкие штаны в ее предыдущем классе носил самый противный из ее одноклассников – Витька Миков.

Хотя, если быть честной, Олеся вполне понимала девчонок, сходявших по Сидорову с ума. Он был независим, всегда имел свое мнение, которое не стеснялся отстаивать, умел вовремя пошутить и ловко, хотя не всегда безобидно, высмеять любого. Парни относились к нему с уважением – все искали его дружбы, постоянно зазывали Димку в разные компании.

Девчонки же, казалось, его совсем не интересовали. И то, что они все только и искали повода подойти к нему, его только раздражало. Шутка и презрительный взгляд – вот и все, что доставалось красавицам. Но чем больше он отбрыкивался от них, тем больше они усиливали напор. Тем более что на носу были День влюбленных, 23 февраля и 8 Марта – череда самых разнообразных праздников. И, по слухам, на все три даты в школе планировались дискотеки.

Втайне Олеся радовалась, что она в классе самая умная, ведь она не лезла к парню, который всем своим видом давал понять, что женское общество ему неинтересно. И единственная из класса не давала ему повода высмеять ее. С каждым днем Сидоров все больше казался ей большим избалованным ребенком, привыкшим все получать на блюдечке с голубой каемочкой, и равнодушие потихоньку менялось на явное неприятие.

Без Сидорова в классе было непривычно тихо. В ожидании педагога кто-то судорожно дописывал упражнения, заданные на дом, кто-то что-то обсуждал вполголоса, девчонки на парте перед Олесей играли в крестики-нолики. А сама Олеся сидела, отгородившись от всех книгой. Она была в этом классе и в этой школе новенькой. Друзей у нее не было; одноклассники казались чужими и скучными.

Свою бывшую, 126-ю школу Олеся обожала. И свой бывший 9-й «Б» тоже. И вот уж точно ни в каком кошмарном сне ей не могло привидеться, что придется бросить своих таких родных, милых и понятных одноклассников с учителями и перейти в другую школу. Но это случилось.

Родители Олеси накопили денег, чтобы поменять их однокомнатную квартиру на двухкомнатную с доплатой, и сделали это аккуратно под 31 декабря. «Подарок всем нам!» – так вплоть до старого Нового года восклицала довольная мама. Олеся тоже, в общем-то, была довольна – у нее наконец появилась собственная комната, о которой она столько лет мечтала. Но на этом все плюсы переезда и заканчивались. Родители умудрились найти новую квартиру на другом конце города, и Олесе пришлось сменить школу. Ведь и мама, и папа

дружно были против того, чтобы она таскалась каждый день невесть куда, тогда как в их три огромных окна была видна новая школа, которая располагалась едва ли не во дворе дома, и можно было не тратить время на поездки.

В старой школе Олеся проучилась предыдущие восемь с половиной лет. Там у нее была лучшая, на всю жизнь, подруга Ташка, она же Наташа Дягилева, там у нее была любимая учительница истории Изабелла Львовна, благодаря которой Олеся влюбилась в историю на всю жизнь. Да что там говорить! Все в той школе, в ее родном 9-м «Б» были такие родные, такие замечательные, такие хорошие, что никакой на свете новый класс с ними сравниться не мог по определению.

В новую школу Олеся пришла сразу после новогодних каникул – 11 января. Свободное место оказалось только на одной парте – рядом с полной высокой девочкой с длинными каштановыми волосами. Выбора не было, и Олеся, вежливо спросив позволения, уселась рядом. Девочку звали Аня Макарова, дружила она с Катей Савельевой и Леной Сокурено, но против соседства Олеси ничего не имела. На этом, правда, все и заканчивалось. Принимать в свою компанию новенькую подружки не спешили. На всех переменах Олеся одиноко сидела за своей партой и листала учебники.

Прошел уже почти месяц, а Олеся так и не сошлась ни с кем в новом классе. Никто не проявлял к ней интереса. Класс давно разбился на группки, у всех были свои друзья и подружки, а Олеся только время от времени прислушивалась к разговорам, наблюдала за одноклассницами, пытаясь понять, с кем она сама лично хотела бы подружиться. Но все казались ей чужими и неинтересными – Олеся тосковала по своему старому классу.

А еще у Олеси началась самая настоящая депрессия. Ей ничего не хотелось делать, никуда не хотелось ходить, ни с кем не хотелось разговаривать. Ей вдруг стало все равно, как она выглядит, что про нее думают другие. Сил не было ни на что. Как будто Олесю выключили из розетки – энергия, которая обычно бурлила в ней и требовала выхода, иссякла. Сделав уроки, она просто закрывалась в своей комнате, ложилась на кровать и молча смотрела в потолок.

Ей казалось, что жизнь кончена. С новым классом отношения не складывались. Ташка, ее лучшая подруга, жила далеко, и они виделись только по выходным. Ташка рассказывала про 9-й «Б», про одноклассников и учителей и все время какие-то смешные истории, но Олесю они не радовали, а, наоборот, огорчали. Все самое интересное в жизни осталось там, в старой школе, в старом 9-м «Б». А в ее, Олесиной, жизни наступили одинаковые серые дни, похожие один на другой.

Родители Олеси были увлечены новой квартирой. Сразу после праздников они затеяли ремонт в ванной и туалете и шумно обсуждали, какую купить плитку, какую сантехнику и как лучше отреставрировать саму ванну. Олесе это было совсем неинтересно. А иногда ей даже казалось, что новая плитка для них гораздо важнее ее, Олеси, с ее проблемами и одиночеством.

А одинока Олеся была, как никогда. Что делать со своим одиночеством, она не знала. А еще ей было невыносимо жалко себя. Именно в таком настроении – грустная, одинокая, никому не нужная – Олеся сидела теперь в кабинете английского языка в ожидании Елены Владимировны. Даже Аньки Макаровой рядом не было. Анька хоть и не стала Олесе подругой, но все равно с ней можно было бы обсудить, например, кто из них и насколько подготовился к уроку. А так оставалось только сидеть, загородившись от одноклассников учебником, и думать свои невеселые думы.

Дверь хлопнула, и Олеся инстинктивно высунула нос из-за учебника. В класс одновременно вошли Елена Владимировна и Димка Сидоров.

– Нехорошо опаздывать, Сидоров, – журила она его на ходу.

– Ой, нехорошо, – отозвался тот несколько ехидно и то ли помахал рукой в воздухе, то ли погрозил пальцем самой учительнице: ведь «англичанка» и сама опоздала.

Елена Владимировна подвоха не заметила – процокала к своему столу и начала рыться в сумочке. В классе же все всё прекрасно поняли и захихикали. Сидоров снова оказался в своем любимом амплуа «герой дня». Но ему этого показалось мало – хотелось продолжения спектакля. Не успела «англичанка» отреагировать на непонятные смешки, как Димка развязной походкой подошел к... Олесе, которая уже успела снова уткнуться в учебник и не видела его перемещений.

– Ермолаева! Я к тебе сяду. Ты такая сегодня... необхожденная! – грянул гром у Олеси над ухом.

Она уронила учебник и удивленно уставилась на зависшего над ней и улыбающегося во весь рот школьного красавца. В нее же саму впились злобные взгляды сразу двух школьных звезд: Кати Савельевой и Лены Сокуренок, а также остальных девочек. Каждая из них все бы отдала за то, чтобы Сидоров сел именно с ней, но он почему-то выбрал новенькую – серую мышку, всегда сидящую, уткнувшись в учебник.

Олеся ничего еще толком и сообразить не успела, как в ужасе услышала свой собственный голос:

– Извини, Сидоров, но мне очень хорошо и одной.

Димка, который уже почти планировал мягким местом на соседний с Олесей стул, от неожиданности выпрямился. Теперь настал его черед удивляться:

– Как, Ермолаева? Ты не хочешь, чтобы я посидел рядом с тобой? – Тон его еще был бесцеремонно-нахальным, но уже несколько растерянным.

Олесе же отступать было некуда.

– Нет, не хочу. – И она демонстративно задвинула второй стул под парту.

– Сидоров, Ермолаева, вам не кажется, что давно уже урок начался? – вмешалась Елена Владимировна. – Сидоров, я понимаю твое гормональное буйство, но сесть тебе все же придется на свое законное место рядом с Антоневицем.

– Что вы, Елена Владимировна, какое гормональное буйство? – взял себя в руки Сидоров. – Ничего нет в мире лучше мужской дружбы. – И вальняжным шагом направился к своему лучшему другу Максиму Антоневицу, с которым он обычно сидел рядом.

«Англичанка» что-то еще сказала по поводу произошедшего и только потом начала урок, а Олеся все не могла прийти в себя. Вопросы один за другим скакали в ее голове. «Почему вдруг Сидоров, который никогда не садится с девочками, решил сесть ко мне за парту?», «Он решил надо мной поиздеваться?», «Он решил поиздеваться над первыми красавицами класса, предпочтя им меня?», «Какова моя роль в этой истории?», «Что он хотел сказать, назвав меня «необхожденной»?», «Это обзывка?», «Если это обзывка, то я резонно его отшила?», «Почему я его отшила?», «Что будет теперь, после того, как я его прилюдно отшила?»

Были и другие вопросы. Но и первых десяти Олесе хватило, чтобы понять, что все они без ответа. Слишком все произошло быстро и неожиданно, чтобы она успела среагировать правильно. Хотя, как правильно она должна была среагировать, Олеся тоже не знала. Думать, что она среагировала неправильно, ее заставляло некоторое чувство вины перед Сидоровым. Ей казалось, что отказывать ему в праве сесть рядом с ней было невежливо. В конце концов, он просто хотел посидеть именно за самой дальней в ряду у окна партой и всего лишь сорок пять минут урока...

В итоге сам урок прошел мимо Олеси. Она пыталась что-то записывать, повторять вместе со всеми хором какие-то слова, но мало что понимала из происходящего. Олеся была новенькой в этой школе, в этом классе, для этого педагога, а потому ее гарантированно не могли вызвать к доске. Программы в ее старой и в этой новой школе немного не совпадали,

а потому ей приходилось активно заниматься, догонять остальных. Учителя, зная об этом, Олесю на уроках пока не дергали – давали ей время адаптироваться.

После урока Сидоров забросил тетрадку с учебником в рюкзак и, продолжая болтать о чем-то с Антоневичем, вышел из кабинета. На Олесю даже не посмотрел. Как будто и не пытался он полчаса назад наприситься к ней в соседи. Почему-то Олесю это задело.

Следующим уроком была история. На истории соседка Олеси – Аня Макарова – не появилась, но и Сидоров не сделал ни малейшей попытки сесть к новенькой. Не сказать чтобы Олесь на это надеялась, но почему-то, когда они с Максимом Антоневичем, громко болтая о компьютерах, уселись за свою парту, она еще больше огорчилась.

«И не нужен, и не нужен он мне, и совсем он меня не интересует», – мысленно сказала она сама себе и уткнулась в учебник истории.

– Помните, что завтра нужно сдать реферат по истории? – спросила Анна-Ванна, «историчка» Анна Ивановна.

– Конечно! – бодро ответил 9-й «А».

А у Олеси настроение испортилось окончательно: про реферат по истории она совсем позабыла. Ко всем Олесиным бедам у нее еще и сломался компьютер – ее собственный, с плоским монитором и жестким диском, на который влезало столько всего, что Олесе пока не удалось заполнить даже половину. Тем более что с началом депрессии она перестала скачивать фильмы и музыку, а только смотрела и слушала те, что остались от прошлой, счастливой жизни, в классе, где все ее любили, в их милой однокомнатной квартире, где у Олеси не было своей комнаты, зато мама вечером ложилась к ней на кровать, и они шепотом обсуждали все-все на свете.

Компьютер сломался, и реферат к завтрашнему дню делать было не на чем. Олесь подумала о том, что можно, конечно, будет накачать материала и написать работу на папином компьютере, но... Но Олесе вовсе не хотелось вылезать в родительскую комнату, слушать разговоры про раковину и плитку. Однако вариантов не было: реферат надо было сдавать.

«Нет в жизни счастья», – то ли огорченно, то ли зло подумала Олесь: в школу ей с утра идти не хотелось, а теперь и домой шагать – тоже.

Однако дома ее ждал сюрприз...

Глава 2

Иван

Дома, в Олесиной комнате за Олесиным компьютером сидел какой-то совершенно незнакомый ей парень и щелкал по клавишам как ни в чем не бывало, как будто это были его собственная комната и его собственный компьютер. Рядом стоял ее папа и смотрел на этого парня с выражением, очень похожим на восхищение. И оба даже ухом не повели, когда Олеся появилась на пороге.

Возмущенная до глубины души, Олеся решительно шагнула в свою комнату, намереваясь сей момент разобраться, кого это тут без ее ведома впустили в ее комнату.

– Папа! Что вы тут... – и тут же налетела на свое собственное компьютерное кресло, которое почему-то одиноко стояло посередине.

Кресло откатилось в другой конец комнаты и уткнулось в кровать. Папа и незнакомый парень обернулись на Олесю. А Олеся в ужасе поняла, почему компьютерное кресло осталось невостребованным: парень, сидевший за компьютером, сидел в своем собственном кресле – он был инвалидом.

– Олеся! Знакомься, это Иван, наш сосед. Он любезно согласился посмотреть, что стряслось с твоим компьютером, и уже, кажется, устранил все неполадки! Видишь? Все работает! – радостно выпалил папа.

Иван оторвался от монитора и со смесью интереса и вызова разглядывал Олесю. Та, в свою очередь, совершенно смутилась и отвела взгляд. До этого ей никогда не приходилось близко общаться с инвалидами. Она видела их только в метро. Они обязательно были несчастными, невымытыми и просили деньги. Мимо них следовало проходить как можно быстрее, и ни в коем случае нельзя было их рассматривать.

– Я вас оставлю, – сообщил между тем папа, – Иван расскажет тебе, что случилось с компьютером, – и моментально испарился.

«Предатель!» – подумала Олеся про себя и зло бухнула свою сумку на кровать. Краем глаза она заметила, как парень взялся руками за колеса инвалидного кресла и немного развернул его так, чтобы ее видеть.

– Какой дурак поставил на один компьютер два антивируса? – поинтересовался Иван. Олесе ничего не осталось, как посмотреть на него.

На вид Ивану было столько же лет, сколько и ей. Глаза у него были карие, волосы темные и, кажется, немножко вились (или просто были лохматые). Олеся стояла, а парень сидел, а потому смотрел на нее снизу вверх, но надменно вздернув подбородок и с видом полного интеллектуального превосходства. Одет он был в черную футболку с видом Амстердама, спортивные штаны и кеды.

«Сам-то ведь никогда в Амстердаме не был и никогда не будет», – мстительно подумала Олеся. Две антивирусные программы на один компьютер установила она самолично, потому что считала, что так будет надежнее. А когда вся система зависла, ей даже на ум не пришло, почему.

Между тем заданный Иваном вопрос повис в воздухе. Признавать себя душой Олеся не хотела, а что еще сказать – не знала.

– Понятно, думала, так будет надежнее, – как будто прочитав ее мысли, сказал парень. – А тебе не приходило на ум, что это все равно что запереть Сталина и Гитлера в одной комнате?

– При чем тут Сталин и Гитлер?! – не выдержала она. – Ты мне лучше скажи, ты все исправил?

– Все. Делов-то было...

Желая продемонстрировать работу агрегата, Иван развернулся к компьютеру, щелкнул пару раз по клавишам, и на мониторе открылось окно с... С ее личным дневником, который она вела, когда было совсем одиноко. Это было неудивительно: компьютер завис именно тогда, когда она писала очередной пассаж на тему, как ей хочется покинуть этот мир – такой молодой, красивой и непонятой. Мысль о том, что этот чужой неприятный парень сейчас увидит ее сокровенные желания, пронзила Олеся в один миг. В следующий она одним прыжком подскочила к парню и прямо из-за его спины схватила мышку и яростно щелкнула по значку «заккрыть документ». От ее броска инвалидное кресло катнулось вперед, выдвижная полочка для клавиатуры и мышки задвинулась под столешницу, Иван слегка ударился грудью о стол, а сама Олеся потеряла равновесие и на какое-то мгновение буквально повисла на нем.

– Больная!

Олеся смущенно отпрыгнула от Ивана.

– Сам больной!

– Я на людей не кидаюсь!

– Я на тебя не кидалась!

– Больно мне надо смотреть, что ты там пишешь!

Переругиваясь, они друг на друга не смотрели. Олеся сгорала от стыда и была готова провалиться сквозь пол к соседям. А Ваня нервно крутил колеса кресла, пытаясь развернуться в узком пространстве между компьютерным столом, кроватью и стулом. Наконец это у него получилось, и он решительно подкатил к двери.

– Ты уже все прочитал!!! – не могла успокоиться Олеся.

– Я ничего не читал! Я вообще никогда не читаю чужие письма!

Иван подкатил к двери, но папа, уходя, тактично ее прикрыл. Дверь открывалась внутрь комнаты, Ваня дергал за нее, но она каждый раз стукалась о кресло, не позволяя ему выехать. Когда же он откатывался настолько, чтобы дверь могла беспрепятственно открыться, его рука не доставала до ручки. В этот момент Олеся превозмогла свое смущение и решила посмотреть в его сторону. Ваня тоже был красный как рак. И чем дольше у него не получалось открыть дверь, тем больше он краснел.

Олеся сунулась помочь. Отчасти потому, что ей самой хотелось, чтобы он поскорее убрался, отчасти потому, что ей стало его, такого беспомощного на громоздком инвалидном кресле, очень жалко. Однако вместо благодарности он ее просто... оттолкнул.

– Думаешь, я – инвалид и сам дверь открыть не могу?!

Олеся отшатнулась.

А Иван последний раз попробовал дотянуться до ручки, понял, что это бесполезно, и замер. Стало неприятно тихо.

Олеся мучительно думала, что же ей следует сделать. Но ничего умного в голову не приходило. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы дверь сама не распахнулась и на пороге не появился бы ее папа.

– Как вы... – Он едва не налетел на Ивана.

Иван же молча пошел на таран. Папа едва успел отскочить, как кресло прокатилось мимо в направлении входной двери. Папа бросил изумленный взгляд на Олеся. Та молча покрутила пальцем у виска. Папа кинулся вслед за Иваном. А Олеся изо всех сил захлопнула дверь своей комнаты. Больше всего ей хотелось кинуться на кровать и заплакать.

Но этому желанию не суждено было осуществиться. В комнату вошел ее папа.

– Олеся! Ты что, не умеешь с людьми разговаривать? Ты зачем на Ваню накричала?! Он ведь тебе компьютер отремонтировал. Он целиком «Виндоуз» переустановил. Два часа возился. А ты? Хоть бы спасибо сказала! Ты сказала ему спасибо?

Олеся и сама уже поняла, что была не права. С Ваней, действительно, вышло как-то некрасиво. Она не только не поблагодарила его, но и обвинила в том, что он якобы читал втихаря ее записи. А ведь, скорее всего, он их на самом деле не читал. И вообще, обвинять людей бездоказательно – несправедливо и невежливо.

Но снова, как и с Сидоровым, во всем виновата была неожиданность. Придя домой, Олеся была уверена, что дома никого нет. Времени было всего три, и родители должны были быть на работе. А уж к тому, что папа не просто дома, но и умудрился привести в Олесину комнату какого-то незнакомого ей парня, да еще и инвалида, и вовсе ей нужно было бы готовиться заранее, недели за две. Ведь это бывает не часто. Точнее, раньше такого вообще никогда не было. Вот она и среагировала... неадекватно. Злость, которую Олеся испытывала к себе из-за глупейшей ситуации с Иваном, переадресовалась папе.

– Папа! Ты сам виноват, что притащил ко мне этого Ивана без моего разрешения. В МОЮ комнату. К МОЕМУ компьютеру. – Она понимала, что не права, но в нее, что называется, как будто бес вселился.

– Ну знаешь ли! – не ожидал обвинений папа. – Я, между прочим, хотел тебе доброе дело сделать: ты приходишь, а компьютер работает. А ты теперь еще и на меня кидаешься!

– Я просто не ожидала гостей... – попыталась взять себя в руки Олеся. – Я хотела побыть одна.

– Что с тобой вообще происходит в последнее время? На людей кидаешься. Сидишь все время в своей комнате – носа из нее не показываешь. Нелюдимая стала. Так нельзя. Быстро переодевайся и за стол.

Олеся хотела было открыть рот, чтобы рассказать папе, что с ней происходит. Как ей одиноко. Как она не может найти контакт с одноклассниками. Как ей не хватает Ташки и ее старого 9-го «Б». Как она не успевает из-за разницы в программах в новой школе. Как... Но папа уже вышел из комнаты.

За обеденным столом тоже поговорить не вышло. Да и пообедать толком тоже не получилось. Потому что весь стол был завален газетами с рекламой строительных фирм, отделочных материалов и сантехники. Одна из них была у папы в руках, и он, не отрываясь, пробежал глазами столбцы объявлений. На столе остывал его кофе.

– Папа, а почему ты дома? – все-таки решилась начать разговор Олеся, с трудом найдя место, куда пристроить тарелку с супом.

– Как почему? Я же вчера говорил, что сегодня должны прийти рабочие делать потолок в ванной, – не глядя на Олесю, ответил папа.

– Они еще не приходили?

– Нет, они задерживаются. Я весь день зря дома просидел. Мог бы и с обеда отпроситься с работы.

– А где ты познакомился с Иваном?..

– О! Вот оно! – Папа радостно потряс перед Олесиным носом объявлением в газете. – Мне Антонина Петровна сказала, что в этой фирме лучшие сантехники!

– Папа! Какая Антонина Петровна?!

– Мама Ивана.

– Как ты познакомился с мамой Ивана?

– Олеся! Ты меня отвлекаешь! – Папа взял шариковую ручку и старательно обвел нужное объявление. – Что ты говоришь?

– Как ты познакомился с мамой Ивана?

– Они наши соседи с пятого этажа. Я вчера ехал в лифте с Антониной Петровной. И помог ей потом занести в квартиру раковину. Она тоже делает ремонт у себя в ванной. Только уже заканчивает. Мы разговорились... Краснофлотская, 45 – это же в нашем районе! Да? Никак не могу привыкнуть, что мы переехали. Надо сходить туда и посмотреть сантехнику.

Олеся поняла, что дальше с папой говорить бесполезно.

А папа вдруг отвлекся от своей газеты:

– Я обещал Антонине Петровне, что ты будешь заходить к ним с Ваней в гости.

– Я?! – Олеся чуть не сверзилась с табуретки. – Это твои знакомые. Вам есть о чем поговорить с Антониной Петровной – о вашем драгоценном ремонте! А что там буду делать я?!

– Общаться с Ваней. Как ты можешь быть такой жестокой? У человека горе – он инвалид. Он не может никуда выходить, ему не с кем общаться. А тебе нужно просто спуститься на один этаж.

– Я не хочу ни с кем говорить! Я не хочу никаких новых знакомых! Мне вообще никого не надо! Я... – И тут Олеся уже собралась высказать все, что наболело у нее на душе, но...

– Мозаика! Точно! Вот что мы сделаем в ванной! – Папа аж подскочил на табуретке, вдохновленный своей идеей.

В дверь позвонили.

– А это – строители! – И довольный папа отправился открывать.

Олеся влетела в свою комнату, рухнула на кровать и разрыдалась.

Глава 3

Ташка

– Он красивый? – спросила Ташка.

Олеся едва дождалась выходных, чтобы выпросить разрешение уехать на весь день к Ташке. Виделись они теперь гораздо реже, но расстояние и трудности только закалили их волю к победе и укрепили дружбу. Именно она, Олеся, назвала когда-то Ташку Ташкой, ведь Наташек в их когда-то общем 9-м «Б» 126-й школы подобралось пять штук, и Олеся придумала называть свою подругу Ташкой. Потому что ее Наташка была самой лучшей Наташкой не просто в классе, но и во всем мире. Ташке быть Ташкой понравилось. Имя прилипло, и даже учителя нет-нет да и обращались к ней именно так.

За восемь с половиной лет дружбы девчонки сделались похожи друг на друга. Одинакового роста, разве что Ташка была немного полнее, даже не полнее, а как-то округлее. У обеих были длинные волосы: у Олеси – светло-русые, а Ташкины – тоже светлые, непонятного серо-коричневого цвета. Только кожа у Ташки казалась рядом с Олесиной совсем бледной и вся была усыпана веснушками.

– Я должна была родиться рыжей, но у солнышка немного не хватило краски, – шутила сама Ташка.

Она ждала своего восемнадцатилетия, чтобы наконец свершить справедливость – выкраситься в ярко-рыжий цвет. Именно до этого момента, по мнению Ташкиной мамы, она не имела права «уродовать себя». Ташка же считала, что ничего более уродливого, чем ее теперешние волосы, представить было невозможно. Олеся была полностью согласна с подругой. Не с тем, конечно, что ее естественный цвет волос некрасив, а с тем, что с рыжими волосами она будет настоящей красавицей.

– Так он красивый? – не слыша ответа, еще раз спросила Ташка.

Этот вопрос застал Олесю врасплох.

– Кто?

– Сосед твой, кто же еще? Ты мне про него уже все уши прожужжала.

Как Ташка ни пыталась вытащить Олесю на каток или в кино, та ни в какую не соглашалась. Так и сидели они дома, в Ташкиной комнате, грызли орешки и болтали о парнях.

«Красив ли Иван?» – озадачилась про себя Олеся. Меньше всего она задумывалась над этим. При одном упоминании о надменном компьютерном гении ее пробирала самая настоящая злость.

– Он – противный! А противные люди не могут быть красивыми!

– А чем же он противный? Он тебе компьютер починил.

– Он... Он... Он меня дурой обозвал. И больной. Сам на кресле, а на здоровых людей кидается. – Олеся до сих пор была до чертиков зла и на Ивана, и на себя, и на папу.

– Я так поняла, что кинулась на него именно ты...

– Я просто равновесие потеряла!

– Не сдержав порыва страсти, ты кинулась на него и заключила в свои объятия! – Ташка изобразила всю сцену, бросившись на пустой стул то ли со стоном, то ли с рыком, отчего это вышло настолько смешно, что вслед за подругой рассмеялась и Олеся.

– Ты думаешь, он воспринял это именно так?

– Конечно! Семейка маньяков. Сломали компьютер, заманили в дом, а потом... одна очень красивая, но еще никогда не испытывавшая любви девочка...

– У меня была любовь! – смеясь, запротестовала Олеся.

Но Ташка не слушала:

– ...отринув все приличия... Кстати, а где твой папа взял этого Ивана?

Олеся смахнула слезы, выступившие у нее от смеха.

– Сказал, что в лифте разговаривал с его мамой.

– Понятно...

– Что тебе понятно?

– Так он красивый? – снова вернулась к своему вопросу Ташка.

– Да не красивый он! – отмахнулась Олеся. – Он мне вообще нисколько-нисколько не понравился. И потом, он же на коляске...

– Ну и что, что на коляске?

– Ну не знаю... Я никогда раньше не общалась с инвалидами.

– Я тоже. Но мне все равно, был бы человек хороший. Я хочу с ним познакомиться.

– Как познакомиться?

– Как? Так! Обыкновенно. Мы ходим к твоему соседу в гости!

Олеся снова разозлилась: мало того, что папа теперь настаивает, что она должна начать общаться с Иваном, так теперь и лучшая подруга – туда же! Никто ее, Олеся, не понимает...

– Я к нему ни за что не пойду! – уперлась она. – Так и знай. И не вздумай меня уговаривать!

Ташка хитро улыбнулась в ответ:

– Да ладно тебе, можем и не ходить...

– Я с тобой вообще не об этом хотела поговорить! – перевела разговор Олеся.

Поговорить она хотела о Димке Сидорове. И даже не столько о нем, сколько о событии, произошедшем перед уроком английского. Хотела задать Ташке все мучившие ее вопросы: почему он решил сесть к ней и так далее. Тем более что после злополучного урока Сидоров на Олеся внимания больше не обращал. А первые красавицы класса, Савельева и Сокурченко, нет-нет да и кидали на нее неприветливые взгляды. Олеся, конечно, продолжала себя вести, как будто ничего не случилось, а какой-то неприятный осадок остался. Но что-то мешало сейчас ей завести разговор о Сидорове...

– О чем задумалась? – вывела ее из размышлений Ташка. – Сидит, в одну точку глядит... Ага! Чует мое сердце, о парне думаешь!

Олеся неожиданно для себя покраснела:

– С чего ты взяла? Ни о ком я не думаю!

– Колись! Влюбилась в кого-то в новом классе? Я права? Вижу, что угадала! Вот ты и доказываешь, что Иван неприятный. Потому что сама о другом думаешь!

– Да не думаю... Просто... Тут так вышло... – Олеся начала оправдываться и покраснела еще больше.

Но отступать было некуда.

– Помнишь, я тебе о Сидорове из нашего класса рассказывала? – И рассказала о произошедшем на уроке.

Ташка от возбуждения даже со своего диванчика подскочила и пробежалась туда-сюда по комнате.

– Чуяло мое сердце – ты влюбилась!

– Да не влюбилась я!

– Он красивый?

– Что ты сразу: красивый, не красивый! Какая любовь? У меня, между прочим, депрессия!

– Нет лучшего лекарства от депрессии, чем любовь!

– Да не любовь это! Я его отшила! Обидела человека. Он ведь просто сесть со мной хотел. Даже не со мной, а просто за мою парту.

– Ага! Как же. Никогда, как ты говоришь, с девчонками не садился, а тут вдруг решил своего любимого Максима Антоневи́ча на тебя променять.

– Ну... Это мне Анька Макарова сказала, что он никогда с девчонками не садится. А она могла ошибиться!

– При чем тут Анька Макарова! Все же ясно как божий день: он проявил к тебе внимание.

– Даже если он, как ты говоришь, проявил ко мне внимание, то я все пресекла на корню. Сама не знаю, как у меня вышло отказать ему, – вздохнула Олеся.

– Вот! Точно. Ты сожалеешь. А значит, ты хотела бы с ним посидеть за одной партой. И не только...

– Да ничего я с ним не хотела!

Так они препирались еще полчаса, пока Олеся не сдалась.

– Ладно, хорошо, я не считаю его красивым, но немного он мне нравится. Ключевое слово – «немного». Просто он остроумный. Без него в классе сразу становится тихо и скучно. Только, имей в виду, девочки его совсем не интересуют. Это во-первых. А во-вторых, к нему и без меня стоит очередь из девчонок. И в-третьих, я сама не знаю, чего от него хочу. Может, разве что, чтобы он еще раз попросил разрешения сесть ко мне за парту. И у меня бы была возможность реабилитироваться.

– Сама призналась! – обрадовалась Ташка.

Олеся отпираться не стала: себе дороже. Уж такая она была – Ташка: если чего в голову втемяшится, ни за что не переубедишь.

– Значит, так: составим план, – а еще Ташка очень любила сразу переходить к действиям.

– Какой план? – испугалась Олеся.

– Как какой? По завоеванию Сидорова!

– Но я даже не знаю, нужен мне он или нет!

– Мы о чем до этого говорили? У тебя депрессия, так?

– Так!

– Ты хочешь от нее избавиться, так?

– Так.

– А лучшее средство от депрессии – что?

– Любовь!

– Ну так и надо тебе ее, любовь, организовать. А поскольку никто тебе больше не нравится, кроме Сидорова, то и назначим его объектом.

Сопротивляться фонтанирующей Ташкиной энергии у Олеси уже сил не было. Да и завоевать Димку Сидорова, первого красавца в классе, вдруг ей показалось очень заманчивым. Никто не обращает на нее внимания, считают серой мышкой – пусть. Она им еще покажет. Уведет из-под носа у Савельевой с Сокуренько главный приз – знай наших!

– А что ты там говорила про школьные дискотеки? – снова прервала ее грезы Ташка.

Про дискотеки Олеся говорила много. В их 126-й школе дискотеки не проводились, а в новой Олесиной это была традиция. На Новый год, на День влюбленных, на 23 февраля и 8 Марта они устраивались гарантированно. И все школьники с 9-го по 11-й дружно к ним готовились. У них в классе девчонки уже все только об этом и говорили: кто что наденет на дискотеку. А 14 февраля уже было не за горами – в следующую пятницу.

– Я говорила, что я на них ходить не буду, – напомнила Олеся. – Потому что никого не знаю. Зачем мне одной у стенок весь вечер стоять?

– Как это не знаешь? А твой класс? Та же Анька Макарова?

– Анька будет тереться около Савельевой и Сокуренько. А я теперь для них враг номер один, – пояснила Олеся и добавила: – И потом, мне просто нечего надеть. Родители с этим

обменом, ремонтом, строителями и себе перестали одежду покупать, и мне. Донашиваю то, что было куплено раньше. Старье. Мне уже Макарова прямым текстом сказала, что я немодно выгляжу...

– Уж об этом можешь не беспокоиться, – Ташка подошла к своему шкафу. – Але ап! – и распахнула его дверцы. – Выбирай, что захочешь. Мои вещи на тебя все налезут.

Олеся и до этого иногда одалживала у Ташки что-нибудь поносить, но какую-нибудь мелочь, а так, чтобы целиком одеться в чужие вещи... Хотя какие они чужие? Это же Ташкины вещи – вещи лучшей подруги.

– Спасибо, Ташка, ты – настоящий друг. Только не знаю, не пойду я все равно, наверное, никуда...

И тут же Ташка отошла от шкафа, села на диванчик, и вид у нее при этом был такой, будто она вот-вот расплачется. Олеся тут же кинулась к подруге:

– Ташка, ты что? Что случилось?

– Нет-нет, совсем ничего... Только вдруг грустно стало, что у нас в школе дискотеки не проводятся... А я так хочу на дискотеку, потанцевать... И влюбиться... Но у меня нет никаких шансов...

– Ташечка, что ты! Ты хочешь на дискотеку? Не знаю, давай, хочешь – пойдем со мной на дискотеку! Я сама уговорю твоих родителей, чтобы отпустили. А потом можно пойти ко мне ночевать!

И это было на самом деле возможно: родители обеих подружек прекрасно понимали, как им одиноко друг без друга, и время от времени отпускали одну к другой на все выходные с ночевкой.

Но Ташка шмыгнула носом и отстранила Олесю:

– Ты же сама понимаешь, что это невозможно...

– Почему невозможно?! – не поняла Олеся. – Возьмем, нарядимся и отправимся на дискотеку. И спляшем там так, что все обзавидуются!

– Ты правда возьмешь меня с собой на дискотеку в свою школу?

– Конечно, возьму!

Олеся и сама не поняла, как это вышло. Не то, конечно, что она согласилась взять с собой Ташку, а то, что она сама решила туда пойти.

– Отлично! – Ташка снова повеселела, расцеловала Олесю и кинулась к шкафу с одеждой. – На тебе отлично будет смотреться вот эта туника! – и вытащила тунику.

Тунику эту, больше похожую скорее на платье-супермини, Ташка купила уже почти год назад в секонд-хенде. Вещь была неношенная, но уж слишком радикальная даже для самой Ташки. Она вся была расшита блестками, отчего переливалась и стреляла искорками даже при самом скромном освещении. В школу, разумеется, в такой не пойдешь. А вот на дискотеку...

– А на дискотеку – в самый раз. И пусть твоя Макарова заткнется. Ты будешь там самой яркой девчонкой, – заверила Ташка.

– И все в прямом смысле ослепнут от моей красоты...

Но та уже не слушала, а продолжала рыться в шкафу.

– К ней можно надеть вот эту юбочку... А еще у меня где-то были туфельки...

В общем, экипировала Олесю с ног до головы.

– Может, все-таки...

– Надо, Олеська, надо, – отмела все сомнения Ташка. – А сейчас я тебе расскажу свой гениальный план по завоеванию сердца Сидорова.

Глава 4

Вера

В среду энергия, которой накачала Олеся за выходные Ташка, сошла на нет и в свои права снова вступила депрессия. Олеся, сделав все уроки, снова лежала в своей комнате на кровати в состоянии полнейшей апатии. Димка Сидоров внимания на нее по-прежнему не обращал, на дискотеку идти не хотелось, а Ташкин план по завоеванию объекта любви казался настолько фантастическим, что и думать о нем не хотелось.

Рядом с Олесей на диване лежала книжка Рекса Стаута. У ее папы была собрана внушительная коллекция детективов, и Олеся потихоньку методично с ней знакомилась. Загадочные убийства, логические цепочки расследований, хитрые уловки преступников и ловушки детективов – все это казалось ей гораздо интереснее, чем ахи-вздохи под луной. Мамины «Унесенные ветром» и «Поющие в терновнике» ее не увлекали. Любви не было. А все сюжеты были лишь выдумками обманщиков-писателей.

Но и читать Олесе не хотелось. Ей не хотелось совсем ничего. В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел папа.

– Олеся! Ты опять валяешься без дела! – с места в карьер кинулся он.

– Как без дела? Я книжку читаю! – Олеся ловко подцепила потертый томик и открыла на первой попавшейся странице.

Но папу было не провести:

– Так я тебе и поверил! Сколько можно ничего не делать? Ты почитай-почитай – там все активно действуют, добиваются своих целей, а ты...

– Ага, убивают других и запутывают следы.

– Я не о преступниках, а о детективах! И вообще, я о тебе. Сколько можно валяться без дела? Лучше бы к Ивану зашла. Ты же мне обещала с ним общаться.

– Я обещала? – возмутилась Олеся. – Это ты мне этого Ивана навязываешь!

– Перестань спорить! – рассердился, в свою очередь, папа и отобрал у Олеси книжку. – Вставай, приводи себя в порядок и топай в 92-ю квартиру к Афошиным. Я снова видел Ванину маму. Она сказала, что Ванечка тебя ждет.

«Ждет меня Ванечка, как же», – зло подумала Олеся про себя, но спорить с папой не стала. Папа у нее был человеком добрым, веселым и компанейским, а потому страшно не любил, когда кто-то добровольно отказывался от хорошей компании. Сердить папу было чревато последствиями: он быстро выходил из себя, а потом долго не мог успокоиться. Да и как-то принято было у Олеси в семье слушаться родителей.

– Вставай, вставай. А то так всю жизнь и пролежишь на диване! И будет...

– ...мучительно больно за бесцельно прожитые годы, – печально закончила Олеся любимую папину цитату, покорно поднимаясь с кровати.

Через пятнадцать минут она уже стояла на пятом этаже у 92-й квартиры. Олеся даже не подумала как-то принарядиться, а так и пришла в стареньких домашних джинсах, футболке с котятками и тапочках. Ведь кто такой ей был этот Ваня? Никто, просто досадное недоразумение – сосед с пятого этажа, которому почему-то именно она должна была скрашивать одиночество.

По пути со своего шестого Олеся уже придумала коварный план: постоять в подъезде минут десять, а потом вернуться и сообщить папе, что якобы Иван сейчас занят, а потому в ее обществе не нуждается. И радостно вернуться в свою комнату, завалиться на кровать

и наглухо закрыть дверь от всего окружающего мира. План был прекрасен, но Олеся допустила один досадный промах – она зачем-то подошла к Ваниной двери...

Едва Олеся, потоптавшись на коврик перед квартирой, решила, что пять минут прошли и можно двигать домой, как... Как неожиданно дверь распахнулась и на пороге, едва не налетев на Олесю, возникла Елена Владимировна Кириллова, ее учительница по английскому языку. А за ней маячил Ваня в своем неизменном кресле и какая-то высокая полная женщина, видимо, его мама Антонина Петровна.

– А, Ермолаева, здравствуй. Ты к Афошину? – не удивившись, поинтересовалась «англичанка» и тут же посторонилась в дверях: – Проходи, проходи...

Олесе ничего не оставалось, как войти внутрь, что она и сделала, невнятно буркнув всем сразу «здравствуйте».

– Мама, это Олеся с шестого этажа, – представил ее Ваня маме, едва за учительницей закрылась дверь.

– Олесенька, проходи, дорогая, а мы с твоим папой как раз сегодня о тебе говорили... – затараторила Антонина Петровна.

Ваня молча развернулся и покатился куда-то по коридору, видимо, в свою комнату. Олеся что-то рассеянно ответила его маме и поплелась вслед за Иваном, проклиная и себя, и папу, и «англичанку». Теперь как минимум час – а меньше гостить ей почему-то казалось неприличным – ей придется сидеть в комнате с этим ужасным заносчивым программистом-инвалидом и непонятно о чем говорить.

Они вошли в Ванину комнату... В которой за компьютером сидела сногшибательная блондинка – девчонка примерно их возраста, тоненькая, с точеным профилем и длинными белыми волосами. Олеся остолбенела. Она-то думала, что идет спасать несчастного инвалида от одиночества, а Ваня-то этот времени даром не теряет – вот какая красавица запросто забегает к нему поиграть, – а по экрану монитора бегал какой-то человечек, – как будто у нее самой дома нет компьютера. И еще блондинка показалась Олесе такой красивой, что сама она себе тут же стала неприятна. Тем более что красавица даже не обернулась в их сторону. Куда уж их королевскому высочеству снисходить до простых смертных!

Ваня между тем подошел к девушке и аккуратно прикоснулся к ее локтю. Она вопросительно посмотрела на него.

– Вера, знакомься, это моя соседка с шестого этажа Олеся. Олеся, это моя подруга Вера, – представил Иван девушек друг другу.

Вера тут же расплылась в улыбке и встала навстречу Олесе.

– Очень приятно! – она протянула ей руку.

– Мне тоже, – буркнула Олеся в ответ и пожала руку, продолжая разглядывать незнакомку.

Вера, тоже, в свою очередь, разглядывая Олесю, опустилась снова на стул у компьютера. Ваня жестом показал Олесе, что она может сесть на диванчик.

– А ты в той же школе учишься, что и Иван? – первая нарушила молчание Вера.

Олеся до этого вообще как-то не задумывалась, где и как учится Иван, но, сопоставив Елену Владимировну у него на пороге и другие встречи со школьными учителями у себя в подъезде, сообразила, что да, Иван учится в их школе, просто на дому.

– Да, – согласно кивнула она.

– Мы даже в одном классе... как бы, – подтвердил Иван и обернулся к Олесе: – Я тоже числюсь в 9-м «А».

– А ты в какой школе учишься? Я тебя в нашей не видела, – вежливо поинтересовалась у Веры Олеся в ответ.

– Я в другой школе. Не в этом районе...

Не зная, что еще сказать, Олеся рассеянно разглядывала обстановку. Компьютерный стол, кресло, диван, шкаф, полки с книгами – ничего необычного в комнате не было. Но когда она пригляделась к корешкам книг, то с интересом обнаружила точно такую же подборку детективов, какая была у них дома.

– Можно? – И, не дожидаясь разрешения, она подошла к стеллажу.

Агата Кристи, Конан Дойль, Рекс Стаут, Эрл Стенли Гарднер, Дик Фрэнсис – все ее любимые имена. «Выходит, Ваня тоже увлекается детективами...» – подумала про себя Олеся, и парень тут же стал ей немного более симпатичен.

– Я тоже люблю детективы. Только настоящие, классические, а не Донцову с Устиновой... – Она обернулась к Ване.

– Да, я тоже Донцову не читаю, – согласился он.

– Вера, а ты любишь читать детективы? – спросила Олеся. Но Вера ничего не ответила.

Олеся обернулась: Вера снова сидела, уткнувшись в монитор, проверяла почту.

– Вера...

Девушка не отозвалась.

– Вера глухая, – совершенно буднично сообщил Ваня.

– Но ведь... – Олеся растерялась: Вера была такой красивой, такой милой, когда улыбалась, что она просто не могла быть глухой! – Шутишь?

– Ага, развлекаюсь так. Вера не слышит. Почти совсем. Просто она умеет читать по губам. Пока она видит твое лицо, она понимает, о чем ты говоришь. А теперь, чтобы к ней обратиться, нужно либо ждать, пока она сама повернется, либо ее потрогать, – Ваня протянул руку и потрогал Веру за локоть.

Девушка обернулась.

– Вера, ты... совсем не слышишь? – спросила Олеся.

Вообще-то она хотела адресовать вопрос Ване, но Вера уже успела обернуться.

– Только очень громкие звуки. А Ваня тебя не предупреждал заранее?

Олеся помотала головой.

– Все нормально. Я уже привыкла к реакции людей. Пожалуйста, если тебе не трудно, когда разговариваешь со мной, произноси слова четко и не отворачивайся, хорошо? А то я тебя не пойму.

Олеся несколько раз кивнула. Если Вера была глухой, то она, Олеся, неожиданно вдруг онемела.

Вера и Ваня рассмеялись.

– Да говори, говори, не стесняйся!

– Я просто... не ожидала.

Вера с Ваней снова расхохотались. Олеся и сама поняла, что выглядит смешно и немного глупо, но смеялись они по-доброму, а потому она непроизвольно развеселилась вместе с ними.

– Вера, а ты любишь читать детективы? – повторила она свой вопрос.

– Да, люблю. Меня Ваня на них подсадил. Он ими бредит. Мечтает открыть свое детективное агентство!

– Да ладно, это я так... – потупился Ваня.

– Да, да! И я думаю, у него все получится. А меня он возьмет помощницей. Как Холмс Ватсона.

Олеся переводила взгляд с Веры на Ваню, с Вани на Веру. Для нее признание Веры прозвучало немножко странно. Какой из Вани может быть детектив? Ведь он же в инвалидном кресле! Как же он будет расследовать преступления? Но тут же ей вспомнился Ниро Вулф – частный детектив, персонаж книг Рекса Стаута, – который никогда никуда из своего дома не выходил, а преступников ловил с помощью своего помощника Арчи Гудвина. Ниро

Вулф был мозгом, если так можно выразиться, расследования, а Арчи – его глазами, ушами, руками и ногами. Только вот какой Арчи Гудвин из Веры, которая ничего не слышит? Как она вообще по улицам ходит? Как она, например, переходит дорогу?

– Не веришь? – немного обиженно, как будто прочитав ее мысли, спросила Вера.

– Да я... – замялась Олеся.

– Никто не верит. А я думаю, если сильно чего-то захотеть и приложить все силы, то можно добиться чего угодно. Мы с Ваней собираемся на юридический поступать. Ведь для детектива это самое важное. Изучать уголовное право. А вот ты кем хочешь стать?

Олеся встала в тупик. А кем, действительно, сама она хочет стать? Ей в одинаковой мере нравились все предметы в школе, по всем она успевала на твердую четверку. После девятого класса она собиралась идти в десятый, потом в одиннадцатый – перспектива выбирать вуз если и маячила, то в каком-то отдаленном будущем.

– Я не знаю... – призналась она.

– А мы знаем! Правда, Ваня? – Вера обратилась к Ивану за поддержкой.

– Да, я хочу стать частным детективом. А что? Не веришь? Думаешь, если я в инвалидном кресле, так я должен всю жизнь на пенсию по инвалидности жить и ничем не заниматься? – несколько с вызовом обратился Иван к Олеся.

Именно так Олеся и думала. Она ведь смотрела телевизор и знала, что в России инвалидам одна дорога – в никуда. Но тут ей стало ужасно стыдно. Снова ей хотелось провалиться сквозь пол, убежать подальше, спрятаться в своей комнате и никого не видеть. И никогда-никогда больше не попадать в дурацкие ситуации.

Ей на выручку пришла Вера:

– Ладно тебе, Ваня, на человека нападать. Олеся, наверное, думает, что частные детективы бывают только в книжках. Ведь она с ними в жизни никогда не сталкивалась. Так ведь?

– Так, – подтвердила Олеся.

– Да и мы с тобой тоже никогда их в глаза не видели. А потому все наши разглагольствования кажутся просто подростковыми фантазиями. Но даже если у нас в городе нет ни одного детективного агентства, то мы его организуем!

– Детективные агентства есть, – вспомнила Олеся какую-то передачу по телевизору, – я видела, они есть.

– Вот! А я что говорю? А мы вырастем, выучимся и откроем свое, – обрадовалась Вера.

Ваня молча кивнул. Повисла пауза.

– Мне, пожалуй, пора домой... – высказалась Олеся.

Желание удрать от этих странных подростков ее не оставляло. Она чувствовала себя переполненной новыми впечатлениями, эмоциями и чувствами. Хотелось убежать, спрятаться и медленно все переварить.

– Тебе уже пора? – искренне расстроилась Вера.

– Да. У меня завтра... контрольная, – соврала Олеся.

– Заходи еще, – вполне добродушно предложил Ваня, провожая ее до двери.

Глава 5

Максим Антоневи́ч

Родители Олеси с помощью бригады строителей худо-бедно закончили ремонт туалета и принялись за ванную комнату. Стоя под душем среди стен, с которых была ободрана вся старая плитка, Олеся думала о любви. И о Димке Сидорове, которого в День святого Валентина прямо-таки завалили валентинками.

В ее новой школе администрация вывешивала в холле у гардероба ватманы с большими конвертами, на которых стояли пометки: 5-й «А», 5-й «Б», 5-й «В», 5-й «Г» и так далее до 11-го «В». В них предлагалось опускать розовые и красные сердечки с фамилией того, кому предназначалась валентинка. Последним уроком была математика, и их классная, Валентина Ивановна, торжественно опустошила конвертик с надписью: «9-й «А». Олеся была уверена, что ей валентинки не будет, но когда ее ожидания оправдались, все равно расстроилась. «Мог бы кто-нибудь и написать, – подумала она, – ведь я в этой школе уже больше месяца – разве это недостаточный срок, чтобы влюбиться в меня?»

Кроме кипы самых разных сердечек, доставшихся Сидорову, и нескольких, перепавших Антоневи́чу, по одной валентинке получили еще два мальчика в их классе и Катя Савельева. На которую тут же обиделась ее лучшая подруга Лена Сокуренок. Они даже едва не подрались сразу после урока. А Олеся оставалось успокаивать себя тем, что, кроме Савельевой, ни одна девчонка в их классе заветного признания так и не получила. Наверное, мальчишки еще не созрели для любви или просто сильно стеснялись пусть и анонимно, но признаться в чувствах.

Сидоров свои валентинки смахнул в сумку, как мусор. И Олеся лишний раз порадовалась, что сразу отмела первый пункт предложенного Ташкой плана – послать объекту любви сердечко.

Тогда Ташка предложила другую тактику. Пунктом первым было полное игнорирование Сидорова на уроках. Что было сделать нетрудно, ибо Олеся, в общем-то, этим и занималась весь месяц, проведенный в новом классе. Вторым пунктом – появиться на дискотеке в сногшибательном наряде, до последнего не обращать внимания на Сидорова, а под конец неожиданно для объекта возникнуть перед ним, отвесить комплимент, загадочно улыбнуться и исчезнуть. После чего снова старательно игнорировать его. До следующей дискотеки, которая должна состояться на 23 февраля. Где снова чем-нибудь – чем конкретно, Ташка еще не решила – привлечь внимание объекта любви и снова загадочно исчезнуть. Примерно план был таков.

Вот теперь Олеся и намывалась старательно в полуразрушенной ванной комнате, ожидая с минуты на минуту звонка Ташки, которая должна была примчаться к ней часа за два до дискотеки с ворохом одежды и косметики. Неделю назад всеми этими планами и разговорами о любви Ташка немного расшевелила Олеся, и ей даже самой стало казаться, что она влюблена в Димку Сидорова, что он тоже вот-вот влюбится в нее, и они будут жить долго и счастливо и так далее, как там бывает в сказках. Но суровая реальность в виде того же Димки, игнорирующего Олеся не меньше, чем она его, за несколько дней все расставила по своим местам. Олеся уже жалела, что подписалась идти на совершенно ненужную ей дискотеку и кого-то там старательно не замечать. Ей снова казалось, что самым лучшим будет спрятаться у себя в комнате и молча страдать оттого, что ее никто не любит и она никому не нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.